

«До войны сидел за папу, а после войны — за маму»

Сын Анны Ахматовой и автор знаменитой теории пассионарности Лев Гумилёв 14 лет провел в тюрьмах и лагерях

Вся его жизнь — история постоянных арестов и лагерей. А он лишь мечтал заниматься наукой. Вместо этого, отбывая очередной срок, валил лес в Карелии, работал в штольнях в Норильске, сидел в лагере в Караганде. Только после смерти Сталина Лев Гумилёв смог приступить к научным исследованиям. Но и здесь ему не повезло. Самые его знаменитые гипотезы ученые всерьез не воспринимали. Например, раскритиковали теорию пассионарности и посмеялись над идеей о том, что на Руси не было татаро-монгольского ига.

Из студента в чернорабочие Родителей Льва Гумилёва сейчас назвали бы звездной парой. Отец — Николай Гумилёв, мать — Анна Ахматова. Оба поэта занимались сыном, похоже, не очень хотели. Ребенка доверили бабушке Анне Ивановне Гумилёвой, которая увезла внука в имение Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии.

Около пяти лет Лёва счастливо жил в деревне, а потом случилась революция. Бабушка боялась погромов, а потому бросила дом и вместе с внуком уехала в Бежецк. Крестьяне, кстати, позволи-

ли бывшей барыне взять с собой библиотеку и личные вещи.

В Бежецке Лев прожил до 17 лет, причем за это время мама приезжала к нему всего дважды. С отцом он в последний раз виделся в 1921 году (летом того же года его расстреляли по обвинению в антибольшевистском заговоре). В школе очень быстро прознали, что у Льва не только барское происхождение, но еще и папа-контрреволюционер. И одноклассники, с которыми Гумилёв-отличник и так почти не общался, невзлюбили его еще больше. Поэтому Лев не огорчился, когда в 1929 году узнал, что ему

придется переехать к маме в Ленинград. Впрочем, там тоже оказалось непросто: жить пришлось в коммуналке вместе с отчимом Николаем Пуниным, его первой женой с дочерью и семьей рабочих. Комнаты для Льва не было, он спал в коридоре на сундуке.

В Ленинграде Гумилёв закончил школу и думал поступить на немецкое отделение пединститута. Полгода готовился, волновался, а у него в итоге даже документы не приняли. Сказали, что происхождение неподобающее — дворянское. В итоге Гумилёв, который писал стихи, обожал книги и мечтал о науке, пошел чернорабочим в трамвайный парк.

Через четыре года его все-таки взяли на исторический факультет ЛГУ. Но проучился он там лишь год. «И вдруг случилось общенародное несчастье, которое ударило и по мне, — гибель Сергея Мироновича Кирова, — вспоминал сам Гумилёв. — После этого в Ленинграде началась какая-то фантазматическая подозрительность, доносов, клеветы и даже (не боюсь этого слова) провокаций». На Льва зачем-то написали донос его же одноклассники. На допросах он признался в антисоветских разговорах, «террористических настроениях» и даже в авторстве стихотворения, посвященного убийству Кирова. Текста стихотворения, кстати, так и не нашли, если вообще искали.

Гумилёва спасла мать. Она отправила Сталину письмо, попросила освободить сына и мужа Николая Пунина (того тоже арестовали). Вождь, как ни странно, просьбу выполнил: «т. Ягода. Освободить из-под ареста и Пунина, и Гумилёва и сообщить об исполнении. И. Сталин».

Гумилёва отпустили, но из университета на всякий случай выгнали. Мать снова за него заступилась, и Гумилёва восстановили. Он был счастлив, но всего полтора года.

«Дайте возможность снова жить и работать»

В ночь на 11 марта 1938 года за Гумилёвым приехали. На этот раз его обвинили в контрреволю-

Лев Гумилёв. 1934 год. Незадолго до ареста

ционной агитации (чтении стихотворения Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны»), организации контрреволюционной деятельности и даже в подготовке покушения на товарища Андрея Жданова. На допросах Гумилёв якобы говорил: «Я всегда

Бабушка Анна Гумилёва

воспитывался в духе ненависти к ВКП (б) и советскому правительству...Этот озлобленный контрреволюционный дух всегда поддерживала моя мать — Ахматова Анна Андреевна, которая своим антисоветским поведением еще больше воспитывала и направляла меня на путь контрреволюции...Ахматова неоднократно мне говорила, что, если я хочу быть до конца ее сыном, я должен быть сыном моего отца Гумилёва Николая...Этим она хотела сказать, чтобы я все свои действия направлял на борьбу против ВКП (б) и советского правительства». Потом Лев отказался от этих признаний, заявив, что протокол допроса «был заготовлен заранее, и я под физическим воздействием был вынужден его подписать».

Его приговорили к 10 годам лишения свободы и отправили на лесозаготовки в отдаленный лагерь на Онежское озеро. За две недели там он дошел до полного истощения. «Валить лес в ледяном, по пояс занесенном снегом лесу, в рваной обуви, без теплой

одежды, подкрепляя силы баландой и скудной пайкой хлеба, — даже привычные к тяжелому физическому труду деревенские мужики таяли на этой работе как свечи... — рассказывал Гумилёв. — В один из морозных январских дней, когда я подрубал уже подпиленную ель, у меня выпал из ослабевших рук топор. Как на грех, накануне я его наточил. Топор легко раскроил кирзовый сапог и разрубил ногу почти до самой кости. Рана загноилась».

Так бы и умер, если бы не вовремя пришедшая посылка от матери. А через четыре месяца Гумилёва отправили обратно в Ленинград на доследование. Ахматова, надеясь спасти сына, отправила новое письмо Сталину, в котором были такие слова: «Иосиф Виссарионович! Спасите советского историка и дайте мне возможность снова жить и работать». Это письмо так и не дошло до адресата.

Летом 1939-го Гумилёва приговорили к пяти годам лагерей. Прокурор, требовавший расстрела, был в ярости. Впрочем, вскоре его самого расстреляли.

40-градусный мороз и 300 граммов хлеба

Наказание Гумилёв отбывал в Норильске. В первую лагерную зиму там случилась вспышка дизентерии. Заразился и Лев Николаевич, три дня пролежал без сознания.

Сын императора?

Исследователи биографии Льва Гумилёва Владимир и Наталья Евсеевы высказали предположение, что Лев Николаевич на самом деле внебрачный сын Николая II. Правда, серьезных аргументов у них не было. Литературовед и современница Ахматовой Эмма Герштейн в книге «Из записок об Анне Ахматовой» писала: «Она ненавидела свое стихотворение "Сероглазый король" — потому что ее ребенок был от Короля, а не от мужа». Доказательств своему смелому утверждению Герштейн не представила.

Николай Гумилёв был арестован в 1921 году, Лев — в 1935-м

В отличие от Шаламова, Солженицына, Гинсбург, он о лагере вспоминал редко. Рассказывал разве что о страшных норильских сорокаградусных морозах и «мятущейся пурге, сбивающей с ног», по сравнению с которой работа в штольне, где температура была минус четыре, казалась «блаженным приютом». И иногда вспоминал о хлебных пайках за выполненную работу. За полную норму, сделать которую было практически нереально, выдавали 1 килограмм 200 граммов хлеба, за «недовыработку» — 600 граммов, а за «неудовлетворительную работу» — всего 300...

В Ленинград Гумилёв возвратился только в 1945-м, отслужив в армии и приняв участие в штурме Берлина. «Я вернулся в Ленинград, пришел с удовольствием по знакомым улицам домой, встретил свою мать, которая обняла меня, расцеловала и очень привет-

ствовала, — писал Лев Николаевич в автобиографии. — Мы с ней всю ночь проговорили, потом я пошел в университет, где декан исторического факультета Мавродин встретил меня так же ласково и приветливо, называл «Лева»... За один месяц сдал все экзамены (поскольку я и в лагере занимался, ну и подготовка у меня была хорошая — историю я знал), сдал кандидатский минимум по французскому языку и по марксизму...»

Но и в этот раз долго на свободе Гумилёв не пробыл. В 1946 году вышло Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», где об Ахматовой в числе прочего было написано, что она «является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии». Уже опытный Лев Гумилёв понимал, что скоро его опять погонят из университета, а потому быстро

сдал экзамены и даже представил готовую кандидатскую диссертацию. Но защитить ее не успел.

После исключения он немного поработал библиотекарем в сумасшедшем доме на Васильевском острове, а потом в 1949 году вновь был арестован. На суде один из прокуроров откровенно сказал ему: «Вы опасны, потому что грамотны». Гумилёв вспоминал: «Никаких реальных обвинений мне не предъявлялось, да их и не существовало в самой природе. Тут меня били мало, но памятно. Еще раз записали десять лет и отправили в лагерь в Караганду». Полностью реабилитировали его только после смерти Сталина — в мае 1956-го.

Произвольное обращение с историей

К началу 60-х Гумилёву наконец повезло: он защитил диссертацию и получил степень доктора исторических наук, устроился старшим научным сотрудником в Научно-исследовательский географо-экономический институт ЛГУ, напечатал несколько статей и даже прославился в Ленинграде как интересный лектор, на выступлениях которого на вечернем отделении ЛГУ и в обществе «Знание» вечный аншлаг. А вот коллеги-ученые гипотезы Гумилёва критиковали. Например, он утверждал, что татаро-монгольское иго было не игом, а взаимовыгодным партнерством русских княжеств и Золотой Орды. Гумилёву приводили в пример разрушительные нашествия ордынцев на Русь в 1252, 1258, 1281, 1293 годах. Переяславль-Залесский разрушали четыре раза, Муром и Суздаль — три, а Рязань и Владимир — дважды. Но Льва Николаевича эти аргументы не убеждали.

Настороженно ученые отнеслись и к самой знаменитой идее Гумилёва — теории пассионарности и этногенеза. Лев Николаевич предположил, что все народы, как живые организмы, проходят определенные периоды жизни — подъем, акматическую фазу, надром, инерционную фазу и обскурацию. Переход из фазы в фазу зависит от пассионарности — то есть уровня энергетики — членов общества. В периоды солнечной активности пассионариев становится много,

Лев Гумилёв был уверен, что татаро-монгольское иго — миф.

НИКОЛАЙ КУЛАНДИН. ЭПИЗОД РУССКОЙ ЖИЗНИ ВО ВРЕМЯ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА.

и они начинают навязывать свою волю большинству.

В период подъема пассионарность растет (так, по Гумилёву, было в IX веке на территории нынешних Франции и Германии) и достигает пика в акматической фазе (примером ее может быть Столетняя война Англии и Франции). Затем этнос вступает в период надром (Реформация, религиозные войны, Тридцатилетняя война XVII века, затронувшая почти все европейские страны). Самое счастливое время — инерционная фаза, когда общество относительно спокойно живет за счет накопленных богатств. В качестве примера Гумилёв называл западные страны XVIII–XX веков. Заканчивается все обскурацией, то есть разрушением этноса.

Эта теория в 70–80-х была в СССР очень популярна. Рукопись книги Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» даже копировали и передавали друг другу. А вот историки упрекали Льва Николаевича в непроработанности идеи и отсутствии доказательств. Например, Гумилёв утверждал, что продолжительность жизни этноса от подъема до обскурации составляет около 1500 лет. Но, как отмечал филолог, историк культуры Яков Лурье,

никакими фактами это не подтверждал.

Историк и археолог Лев Клейн говорил, что все «предложенные Л. Н. Гумилёвым обобщения — рубежи периодов (фаз), их длительность, цифры — все это построено на песке». Антрополог Виктор Шнирельман и вовсе обвинял Льва Николаевича, что он своей гипотезой «...подготовил почву для бурного произрастания разнообразных творцов псевдоисторического бреда... Ибо Л. Гумилёв своим авторитетом как бы санкционировал произвольное обращение с историей».

Казачья Орда

«Новая хронология» — так называлась псевдонаучная теория пересмотра всемирной истории, созданная под руководством математиков Анатолия Фоменко и Глеба Носовского. Они считали, что в Средние века существовала огромная империя, которая охватывала почти всю Европу, Азию и даже обе Америки. А ее политический центр находился на территории Руси. Фоменко и Носовский, как и Лев Гумилёв, считали, что татаро-монгольского иго не было. Орда — это название русского казачьего войска. А ханы — верховные правители и полководцы в русском государстве. То, что исторические факты противоречат «Новой хронологии», авторы идеи объясняли масштабной фальсификацией истории ранее XVII века.

Все кончилось тем, что Гумилёва из-за критики коллег вообще перестали публиковать. Вспомнили о нем только в перестройку. Да и то сперва не как об историке, а как о сыне Анны Ахматовой и Николая Гумилёва. Поэтому сначала он просто давал интервью о знаменитых родителях. Постепенно начали печатать и его научные труды, которые вновь стали очень популярными. И тут Гумилёву не повезло в последний раз: на вершине успеха, не успев насладиться долгожданным триумфом, он умер в мае 1992 года.

Катерина КУЗНЕЦОВА

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Лев Гумилёв: «Единственное мое желание в жизни (а я сейчас уже стар, мне скоро 75 лет) — это увидеть мои работы напечатанными без предвзятости, со строгой цензурной проверкой и обсужденными научной общественностью без предвзятости, без вмешательства отдельных интересов тех или иных влиятельных людей или тех глупых, которые относятся к науке не так, как я, то есть использующих ее для своих личных интересов... Услышать их беспристрастные отзывы и даже возражения — это последнее, что я хотел бы в своей жизни».

